

Н.В. ШУШКОВА

ЭТОТ УСКОЛЬЗАЮЩИЙ ПАТЕРНАЛИЗМ: ПОПЫТКА ПОСТРОЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ

Патернализм в современном российском обществе, на первый взгляд, представляет собой пережиточное явление; его сторонников У. Томас и Ф. Знанецкий называли филистерами и описывали как людей, не способных менять свои установки (*attitudes*) и, соответственно, стратегии действия в новых ситуациях. «Любое важное и неожиданное изменение в жизненных обстоятельствах приводит такого индивида к дезорганизации поведения, — писали они в 1918 году. — По мере возможности до определенного рубежа он продолжает придерживаться испытанных схем. И до некоторого момента старые определения остаются эффективными в новых ситуациях, поскольку удовлетворяют его потребностям, если последние невелики. Тем не менее, он проигрывает в конкуренции с теми, кто имеет более высокие притязания и применяет более рациональные схемы» [1, p. 1854-1855].

Патернализм, с точки зрения здравого смысла сегодняшнего дня, является осколком прошлого (советского или еще более давнего), он поддерживается людьми, не сумевшими в силу разнообразных культурных причин адаптироваться к новой экономической эпохе. Социальные исследователи, интересующиеся патернализмом, искали (и находили) его на промышленных гигантах, в чиновничьих коридорах больших администраций, в отдаленных сельских районах и т. д. — в общем, там, где еще не успел обосноваться экономизм, требующий от человека рассчитывать прибыль и оценивать свои достижения в денежной форме [см., например, 2–12]¹. Субъектами патернализма оказывались немолодые начальники, советские бюрократы, старожилы фабрик и заводов. И значит, можно было предсказывать исчезновение этого явления в течение жизни одного поколения. Однако социальная реальность, как справедливо указывал Э. Дюркгейм, вовсе не состоит из понятий или «предпонятий», и потому не укладывается в сопутствующие им правила [16, с. 42–47]. В современной России можно обнаружить множество новых социальных явлений, при ближайшем

Шушкова Наталья Викторовна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры культурологии Пермского государственного технического университета. **Адрес:** 614600 Пермь, Комсомольский пр., 29, кафедра культурологии. **Телефон:** (342) 219–80–46. **Электронная почта:** shushk@perm.raid.ru

¹ К этой же группе работ можно отнести публикации П. Романова, А. Темницкого и др., рассматривающих патернализм как часть оппозиции «старое — новое» [13–15].

рассмотрении оказывающихся «патерналистскими». Они существуют в рамках самых разнообразных, в том числе и недавно возникших социальных структур и институций. Патернализм заметен в управленческих стратегиях новых менеджеров, в политике так называемой «социальной ответственности» бизнеса, в региональных избирательных кампаниях, в педагогических образовательных практиках и т. п. В таком контексте изучение патернализма — не «гробокopatельство» и не признак «социальной ностальгии», а задача, решение которой существенно для понимания процессов, происходящих в меняющемся обществе.

В данной статье мы попытаемся охарактеризовать явление патернализма в терминах социологии и предложить целостную методологию его исследования.

Патернализм как новое явление гуманитарного знания

Изучение литературы, посвященной патернализму в целом или некоторым его аспектам, выявило широкий спектр подходов, множественность коннотаций, несходство определений.

Это явление не случайно. Было бы поверхностным объяснять его новизной концепций патернализма, их специфическим маргинальным бытованием в больших парадигмах, хотя и этот момент нельзя сбрасывать со счетов. Основатели современного социального знания не включали патернализм в систему базовых категорий. Как представляется, некоторую неопределенность, «ускользаемость» патернализма, его размытость можно объяснить, только приняв во внимание сочетание общих тенденций существования гуманитарного знания, особых механизмов включения в него прежде не санкционированных авторитетами категорий и характерных черт самого патернализма как специфического социального явления.

Многозначность терминов — черта, присущая гуманитарному знанию. Типична ситуация, когда социальное явление попадает в поле зрения сразу нескольких общественных наук: и философии, и специальных дисциплин. Каждая из них выстраивает свою модель этого явления при помощи собственного понятийного аппарата, исследовательских процедур и техник. Значение социального явления в таком случае зависит от той сети мыслительных координат, в которую оно помещено исследователем.

Разнообразие исследовательских практик является продуктом разделения труда в научной среде. Как отметил Э. Дюркгейм, «в высших обществах обязанность состоит не в том, чтобы расширять нашу деятельность, но чтобы концентрировать и специализировать ее. Мы должны ограничить свой горизонт, выбрать определенное занятие и отдаться ему целиком, вместо того чтобы делать из своего существа какое-то законченное, совершенное произведение искусства,

которое получает всю свою ценность из самого себя... эта специализация должна быть подвинута тем далее, чем высшего вида общество, — и ей нельзя поставить другого предела» [17, с. 303].

Следует обратить внимание и на иной аспект этого процесса, зафиксированный З. Бауманом: «Разделение труда между учеными соответственно структурирует мир, в котором мы живем» [18, с. 6]. Явление становится «социологическим», «экономическим», «политическим» и т. д. после помещения его исследователями в поле отдельной науки.

Можно согласиться с тем, что интерес к тому или иному социальному явлению, факту, процессу определяется, прежде всего, социальной практикой. Логика развития научных парадигм придает этому интересу соответствующее оформление. Выбор тем диктуется научной школой, получившей возможность распределения грантов. Получение гранта зависит также от схожести позиций ученых, выраженной в употреблении соответствующего сленга. Как отмечает Т. Шефф, «принадлежность (ученого-заявителя. — *Н.Ш.*) к банде и клану и здесь играет свою роль. Искусный кандидат формулирует заявку таким образом, чтобы безошибочно подать сигналы, указывающие на свою принадлежность к определенному “бандформированию”. Если вы член психоаналитической банды, то в вашей заявке будет часто цитироваться Фрейд. Это беспроектная тактика, если вам заранее известно, что все члены комиссии являются членами одной и той же банды» [19, р. 160].

Все эти рассуждения относятся к социальным явлениям, хорошо известным науке. Когда же общество обнаруживает или продуцирует новые социальные формы, выстраивает или открывает социальные институты, не имеющие аналогов в прошлом, такая ситуация оказывает воздействие на весь спектр социальных наук. В условиях повышенного интереса к определенному социальному явлению у научной общественности формируются относительно него противоположные мнения. На одном полюсе наблюдается не оправданное ни практикой, ни логикой научного исследования преувеличенное представление о значимости этого явления. На другом — полное отрицание важности его как объекта изучения или даже сомнения в его существовании.

Такое социальное явление трудно для исследования прежде всего потому, что оно — именно в силу своей новизны — не помещается в системе сложившихся в рамках общественной науки категорий. И здесь приходится осуществлять одну из сложнейших исследовательских процедур: или дополнять признанные значения терминов (понятий) новым содержанием, или вводить новые понятия, которые могут быть заимствованы из смежных научных дисциплин, или сконструированы вновь, или, наконец, взяты из языка улицы. При этом явно недостаточно просто соотнести слово с обозначаемым им предметом.

Для конструирования научного понятия следует выделить «чистое» содержание термина, освободив его от избыточных, донаучных значений. Новые понятия необходимо интегрировать в научный тезаурус, соотнести с его вербальным содержанием, определить их место в наличной системе научного знания.

Процесс интеграции новых значений в устоявшийся язык науки усложнен тем, что, во-первых, каждое новое слово влечет за собой цепь ассоциаций, напрямую не связанных, а зачастую и противоположных его новому значению, а во-вторых, имеет место принципиальное смысловое расхождение между одинаковыми терминами, употребляемыми в разных отраслях гуманитарного знания.

Это смысловое расхождение становится дезориентирующим в смежных областях наук, когда использование термина без его уточнения может привести к неверному формированию всего исследовательского проекта. Сравнительный анализ теоретических и эмпирических конструкторов явления в разных социальных дисциплинах может быть продуктивным только тогда, когда речь идет об одном и том же денотате. Так, патернализм в ряде исторических, социологических и антропологических работ описывается как патрон-клиентские отношения. Появление двух обозначений одного явления в данном случае связано с расстановкой познавательных акцентов. Используя термин «патернализм», исследователи характеризуют, прежде всего, способ социальной, меж- и внутригрупповой связи, изучают явление в контексте большого общества. Социальные историки, оперирующие термином «клиентелизм», или в развернутом виде «патрон-клиентские отношения», в большей степени учитывают личностный, диадический, индивидуализированный аспект явления. Разница в употреблении этих терминов обуславливается и их этимологией: патернализм происходит от римского обозначения главы, основателя семейной группы *pater familias*, клиентелизм — от правового определения особого вида личной зависимости, существовавшей в древнеримском обществе, подчинение *clientes* своему *patron*.

В любом случае сравнение, а также переносы и заимствование уже существующих процедур изучения явления и их результатов из поля одной науки в поле другой должны совершаться с предельной осторожностью. Вышесказанное важно для всех явлений и обозначающих их понятий, но особенно — для тех, что попали в поле научного анализа недавно.

О денотате термина «патернализм» в социологии

Нельзя утверждать, что патернализм в российской действительности является новым социальным фактом. В исторических исследованиях можно обнаружить множество свидетельств, демонстрирующих определенную патерналистскую традицию в выстраивании властных

отношений, в их образном (идеологическом) оформлении, в организации разных сторон социальной жизни [20–27]. Причем, это следует подчеркнуть, речь идет о традиции непрерывной, но видоизменяющейся в зависимости от господствующих социокультурных и экономических укладов. Иное дело, что в современной ситуации происходит ее своеобразное выявление: увеличиваются масштабы, расширяются функции. Она становится и влиятельней, и заметней на фоне сугубо рационализированных и формализованных культурных форм, сопровождающих социальную трансформацию. В процессе выстраивания или реконструкции новых социальных институтов патернализм приобретает особые очертания. Патерналистские практики обретают значение, ранее, казалось бы, утраченное. Они присутствуют во многих актах социальной деятельности.

Обозначим содержательные границы патернализма в актуальном социальном знании, выделим его денотат. *Патернализм рассматривается нами как множество социальных явлений, существующих в различных исторических формах. Он включен в систему вертикальных, иерархических социальных связей, организующих общество. Отличительной чертой патернализма можно считать попечительские отношения самого широкого спектра.* Достаточно перечислить цивилизаторские миссии, государственную опеку, многообразные отношения личной зависимости в производственной, экономической, политической сферах, многочисленные патрон-клиентские отношения.

При изучении патернализма социальные исследователи выделяют две основные черты, присущие ему с момента появления. Это состояние *зависимости* и *иерархии*. «Основания патронажа, — утверждает Ф. Доубэн, — могут быть прослежены в феодальной структуре средних веков, когда немногие были свободными, а остальные зависимыми вассалами, а строго иерархическая система была определяющей в процессе функционирования общества» [28, р. 3].

Прямая зависимость одного индивида от другого, стоящего на более высокой ступени лестницы неравенства и поэтому социально дистанцированного, образует каркас патернализма как общественного явления.

Патернализм — и это важно отметить — проявляется в индивидуальных и групповых практиках. Даже в том случае, когда под словом «патернализм» подразумевается некая теоретическая идея, владеющая умами людей или объединяющая группу эмоциональная конструкция, всегда существуют доступные наблюдению поступки индивидов, воплощающие, презентующие эти феномены в социальной реальности. Если же речь идет об обычной трактовке патернализма, то он практически полностью может быть представлен через действия членов сообщества. И здесь можно говорить о двух типах патерналистских практик: церемониальных и «функциональных».

Церемониальные практики — это специфические, оригинальные, повторяющиеся с заданной периодичностью групповые акты, не имеющие ни содержательного, ни функционального, ни технологического соотнесения с целями и задачами организации. Структура церемониальных практик такова, что позволяет продемонстрировать групповое единство, распределение иерархических патерналистских статусов в организации, личный характер взаимоотношений. Их назначение — символическое и идентификационное: через выполнение определенных церемоний члены сообщества обозначают свою принадлежность к «хартии» организации и подтверждают правильность индивидуальных самоопределений относительно этой организации.

«Функциональные» патерналистские практики не имеют собственной формы, они сливаются с нормативно предписанными организационными обязанностями, усиливая последние. Эти практики дополнительно стимулируют индивидов к достижению целей организации через актуализацию групповой солидарности. Индивидуальные социальные/трудовые задачи интегрируются (вместе с их исполнителем) в более обширные и значимые структуры. «Функциональные» практики совершаются индивидами повседневно, и именно их можно считать низовым, базовым уровнем патернализма.

Для уточнения денотата понятия «патернализм» установим его отношения с некоторыми другими, связываемыми с ним или используемыми рядом исследователей в качестве синонимичных ему. Среди таких понятий следует назвать *социальное управление, социальное партнерство, социальную политику государства (патронаж), социальную солидарность, политическую власть*.

Политическая власть в современном государстве — это власть институционализированная и легитимированная. Она выражает отношения между политическими акторами — правительством, партиями, элитами, правящим классом, массами. Правила и механизмы их взаимодействия тщательно прописаны и закреплены законодательно. Основываясь на узаконенном авторитете, политическая власть позволяет разрешать конфликт интересов путем их согласования.

Патернализм представляет собой специфический вариант властных отношений. Он не обладает правовой легитимностью и может даже вступать в противоречие с существующими в данном обществе законными нормами. Патерналистские практики выстроены по патриархальным, квазисемейным образцам. Решающим является мнение «отца», остальные члены семьи, особенно «дети», лишены даже права голоса. Поэтому согласование интересов сторон в патернализме не предусмотрено, у подчиненной стороны отсутствует свобода решений и действий. Это также означает, что правила, структурирующие взаимодействие, изменчивы и устанавливаются сверху.

Патернализм основан на харизматическом типе господства, в терминологии М. Вебера. «Деятельность вождя всегда подчиняется совершенно иному принципу *ответственности*, прямо противоположной ответственности (политического. — *Н.Ш.*) чиновника... есть прямо-таки *личная* ответственность за то, что он делает, ответственность, отклонить которую или сбросить с себя он не может и не имеет права» [29, с. 666]. Властные отношения в этом варианте в высшей степени персонализированы. Кроме того, они историчны. Их содержательные и организационные характеристики обусловлены культурной традицией и социальными условиями.

Управление — совокупность действий по направлению деятельности всех без исключения элементов более широкой общности, оно удерживает в допустимых пределах отклонение отдельных частей и общности в целом от поставленных целей. Управленческие отношения — отношения между управляющим и управляемым. Однако обе стороны таких отношений, в общем, равноценны.

В патернализме как разновидности управляющей деятельности мы видим принципиальную иерархичность, соподчинение, неравенство сторон. При этом управление может быть направлено на достижение цели как управителя, так и управляемого, а также на более широкие социальные результаты; в патернализме, как правило, достигаются цели вышестоящего субъекта. Патерналистский стиль управления отличается жестким контролем, игнорированием мнений подчиненного, лишением его инициативы и права на полную информацию.

Социальная солидарность может быть определена как степень интеграции, проявляемой обществом или группой. В простых обществах она опирается на отношения родства, прямые взаимосвязи соседей или членов корпорации. В сложных обществах имеются иные основания. Патернализм также вырастает из родственных связей, однако способствует скорее дифференциации вовлеченных в него людей, нежели их сплочению. Солидарность, проявляемая в патернализме, — это отношение к патеру, патрону, но отнюдь не к другим членам группы. Объединение клиентов в «семейную» общность — результат механической, по Э. Дюркгейму, статистической группировки. Как правило, у рядовых членов патерналистской группы одинаковые социальные позиции, сходные ожидания. Вместе с тем чувство причастности к широкой группе нейтрализуется конкуренцией отдельных ее членов за большее покровительство. Так, В. Райх, анализируя ситуацию чиновников, оправдывающих свой низкий статус ожиданием пожизненной пенсии, замечает: «Для этого класса характерны зависимость от государственной власти и конкурентное отношение к сослуживцам, которое препятствует развитию чувства солидарности. Социальное сознание чиновника характеризуется не солидарностью с сослуживцами, а его отношением к правительству и “нации”» [30, с. 70].

Партнерские отношения, как правило, основаны на общей идее, достаточно вариативной, чтобы давать возможность для различных ее интерпретаций. Стороны в партнерских отношениях равноправны, а поиск согласия происходит в диалоге. Однако если допустить в партнерстве асимметрию и неравноправие, то мы здесь находим точки соприкосновения с патернализмом. Предельная форма партнерства, когда одна сторона признает другую партнером только в определенном виде отношений и при этом крайне ограничивает ее права и возможности, весьма сходна с патернализмом. Тем не менее, такое понимание и воплощение партнерства встречается нечасто. Поэтому понятие «социальное партнерство» в его типичном общеупотребительном смысле прямо противоположно патернализму.

Социальная политика государства может считаться патерналистской, если ее конечной целью является получение лояльности и политической поддержки со стороны граждан в обмен на оказанную им помощь в виде субсидий, пенсий, дополнительных услуг и т. п. Другое основание — если осуществляется недифференцированная социальная помощь, то есть государственными чиновниками членам определенной группы приписывается неспособность к самостоятельным действиям (в данном случае — в сфере самообеспечения) и над ними осуществляется социальный патронаж.

Итак, термин «патернализм» обозначает определенный круг социальных фактов, обладающих сходными чертами. Патернализм, как и множество иных явлений, существующих в обществе, с равной долей обоснованности может становиться объектом изучения разных общественных наук. Достаточно продуктивным представляется исследование его в рамках социологии как устойчивого комплекса социальных связей и взаимодействий вертикального типа. Патернализм в реальном воплощении представляет собой повторяющиеся непосредственные или опосредованные контакты, осуществляемые по типичным схемам. Эти схемы отличаются константностью и не зависят от индивидуальных психологических особенностей участников. В качестве сторон патерналистских отношений мы можем рассматривать не конкретных людей во всем их личностном многообразии, а до некоторой степени усредненных индивидов. В этом случае возможно построение модели такого взаимодействия.

Патернализм проявляется через поведение индивидов: деятельностное и вербальное. И в том, и в другом случае оно может быть зафиксировано соответствующим инструментом.

Институционализмы в изучении патернализма

Большинство ученых-обществоведов, обращающих внимание на проблему патернализма, исследует ее в контексте социальных отношений. Такой подход представляется продуктивным в том смысле,

что позволяет описывать конкретные ситуации, существующие в социуме в данный момент времени. Однако если исследование охватывает некоторый, достаточно продолжительный период времени, то приходится признать, что патерналистские отношения — отношения не одномоментные, а длительные, как для индивидов/групп, так и для социальных ситуаций. Это, в свою очередь, означает, что с необходимостью существуют некоторые нормы, правила и санкции, регулирующие такие отношения. Более того, эти рамки не устанавливаются в каждом конкретном взаимодействии, а имеют характер в известной мере константный и повторяющийся как относительно участников взаимодействия, так и относительно ситуации в целом. Подобное отчужденное принуждающее воздействие на индивидов свойственно социальным институтам.

Патернализм предполагает существование иерархически упорядоченных парных ролей: на одной стороне — «отца», «патера», «патрона», на другой — «ребенка», «клиента». Это линейная структура. Кроме того, существуют роли «старших детей», находящихся на ступень ниже «родителя», но выше «просто детей». Такую структуру можно назвать пирамидальной.

Можно также выделить организующие нормы. Они выстроены по патриархальному семейному принципу. Цель, осуществляемая патернализмом как социальным институтом современного общества, по замечанию М.Н. Афанасьева, — дать «убежище: он отвечает потребности индивидов в защите от нарастающего отчуждения и давления анонимных социальных механизмов» [31, с. 82]. Патернализм предлагает иную, неофициальную, форму социальной интеграции. Действия участников патерналистских институтов определены соответствующими ценностями, а их верное исполнение поддерживается выработанными санкциями.

Современная социологическая теория позволяет сформулировать два варианта рассмотрения патернализма в рамках институционального подхода. Первый из них представляет патернализм как устоявшийся набор из двух (или большего числа) взаимосвязанных (или даже разрозненных) социальных ролей, механическим образом перемещенных из семейной сферы в иные области социальной деятельности, которые индивиды исполняют в рамках больших социальных институтов: экономических, производственных, политических, образовательных и т. д. В этом случае патернализм выступает в качестве одного из предлагаемых большими институтами способов исполнения существующих ролей; способов возможных, но не слишком желательных в современной ситуации. При таком представлении патернализм становится подчиненной, зависимой, несамостоятельной структурой. Патерналистские роли локальны и ограничены этими большими институтами.

В рамках второго подхода патернализм предстает как отдельный социальный институт. Он наравне с иными институтами выполняет функцию структурирования социального пространства и его воспроизводства.

Для уточнения обоих вариантов кратко определим, что же такое институт с точки зрения социологии. Условно разнообразные трактовки понятия «социальный институт» объединяются в рамках двух направлений: традиционного институционализма (Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл) и неоинституционализма (Р. Коуз, Д. Норт, О. Уильямсон, в социологии — Н. Флигстин, У. Бейкер, У. Пауэлл, Н. Биггарт). Здесь противостоят друг другу два тезиса. Первый: институты организуют социальную жизнь, принуждая людей действовать правильным образом. П. Монсон пишет: «Основные институты общества — те “аллеи”, по которым идет большинство людей. ... Посетители парка будут гулять по ним и думать, что эти аллеи были всегда» [32, с. 17–18]. Второй: институты создаются людьми в процессе деятельности и служат их частным интересам. В этом случае социологи рассматривают общество как результат поступков отдельных индивидов, обладающих свободой выбора. П. Монсон предлагает образ «кораблей в море»: «Большинство кораблей следуют по своему собственному курсу. Но скоро вы начинаете замечать, что некоторые движутся по невидимым фарватерам. ... Вы не знаете, откуда приплыли эти корабли; вам неизвестна также причина, побудившая их отправиться в путь. ... Здесь нет видимых глаз путей, однако каждое судно знает, как определить свое направление движения» [32, с. 15–20].

Сторонники первого тезиса исходят из того, что сохранение даже малой группой людей (не говоря уже о больших сообществах) своей целостности реализуется посредством механизмов социального контроля. Поэтому они считают, что упорядочению подлежат в первую очередь наиболее важные области общественной жизни, включенные в семейные, политические, экономические, образовательные и религиозные институты. Институты задают образцы действий членам общества и даже формируют их ожидания. Как считает П. Бергер, «трюк удается потому, что индивида убеждают: эти пути — единственно возможные» [33, с. 85]. Итак, в представлении традиционных институционалистов социальные институты — это устойчивые организованные структуры общества, обладающие принуждающей силой по отношению к его членам.

Неоинституционализм в социологии возникает под девизом «Институты имеют значение», не новым для данной науки, но ставшим чрезвычайно важным для объяснения повседневных практик индивида. Нил Флигстин, сетуя по поводу раздробленности новых институционалистов, все же осмеливается сформулировать их основные

представления: «...новые институциональные течения основываются на теории социального конструктивизма — в том смысле, что они рассматривают создание институтов как результат социального взаимодействия между акторами, сталкивающимися друг с другом на полях или аренах ...предписанные им правила взаимодействия и распределения ресурсов действуют как источники власти, а в сочетании с моделью акторов выступают в качестве фундамента, на котором происходит конструирование и воспроизводство институтов» [34, с. 29].

Таким образом, в рамках данного направления социальные институты предстают как созданные акторами устойчивые структуры действия (правила и способы поддержания этих правил) внутри локальных порядков (социальных полей); структуры, с одной стороны, ограничивающие активность индивидов, но с другой — предоставляющие им возможность выбора схемы действия и взаимодействия внутри каждого поля.

Позитивной чертой неоинституционализма является то, что он снимает известную оценочность в описании жизненных ситуаций. Функционализм больших институтов всегда соотнесен с некими общими целями, нормами, имеющимися в обществе. Исследователь-традиционалист легко впадает в соблазн оценить органичность институтов, отказав в существовании тем из них, которые не вписываются в принятые данным социумом правила.

В числе основных элементов патернализма, отмечаемых исследователями, — личная зависимость и статусная иерархия сторон, дистанцированность участников и ролевая связанность. Институтом его можно считать в той мере, в которой он устанавливается, воспроизводится и изменяется акторами, упорядочивает социальные взаимодействия и служит для реализации определенных целей акторов. С традиционной институциональной точки зрения, патернализм является скорее набором ролей, перемещенным из семейной сферы в иные области общественной деятельности. Нормы исполнения этих ролей в публичном пространстве могут меняться, но отдельного института, позволяющего достичь важной, единой для всех общественной цели, они не составляют. В лучшем случае патернализм могут счесть подчиненной структурой, неким суб-институтом. Для неоинституционализма, напротив, патернализм полностью попадает под определение социального института: он структурирует повседневный пласт социальной реальности, позволяет актерам достигать собственных целей, помогает осваивать все новые и новые поля.

Неоинституционалистский взгляд на патернализм дает возможность по-новому решить вопрос о том, кем и как определяются правила взаимодействия. Для представителей этого направления социальные институты могут конструироваться только актерами — людьми, имеющими осознанные цели и совершающими социальные

действия в понимании М. Вебера, то есть действия, обращенные своими смыслами к другим индивидам. Для определения актора важен не объем ресурсов, которыми обладает тот или иной индивид, а лишь его поведенческая стратегия. *Поэтому патернализм как социальный институт может конструироваться в той или иной области человеческой деятельности (проблемном поле) как патронами (заведомо имеющими некоторый набор ресурсов или доступ к ним), так и клиентами (чаще всего не имеющими ни того, ни другого), или совместно теми и другими в процессе согласования их целей.*

Имеется и другое следствие. Патернализм как институт-правило в рамках неинституционализма может рассматриваться наряду с другими институтами-правилами, то есть как одна из альтернатив действия в существующих и вновь создаваемых социальных полях.

Патернализм как субститут

В контексте классического институционализма патернализм — в современном типе социального устройства — является, по меньшей мере, подчиненным институциональным образованием, не обладающим признаками больших институтов и выполняющим лишь дополнительные функции для реализации задач и достижения целей, свойственных иным институтам. Здесь мы имеем дело с известным удвоением ролей (например, роль политика исполняется им одновременно по правилам и нормам роли члена политической партии и роли «народного попечителя»), что делает образы больших социальных институтов и патернализма расплывчатыми, неопределенными, амбивалентными. Если же принять за теоретическое основание концепции, разрабатываемые неинституционалистами, то *патернализм может быть описан как особый вид социального института, сконструированный акторами, нуждающимися в отношениях взаимной зависимости, испытывающими потребность в функциях попечительства и попечения.* Его особое свойство заключается в том, что в современном обществе он не создает собственных проблемных полей, а замещает некоторые (или даже все) правила, аутентичные этим полям. Чтобы акцентировать эту способность патернализма, для его обозначения представляется целесообразным использовать термин «субститут».

Субститут — это специфический вид социальных институтов, отличительной чертой которого является его бытование внутри других институтов. Так, отцовство можно считать субститутом семейного института.

Если принять во внимание субституциональную форму существования патернализма, то становится возможным описать и объяснить его вариативность как в контексте настоящего времени, так и в исторической ретроспективе.

Можно обнаружить множество конкретных форм, в которых в различных социокультурных и исторических ситуациях воплощаются одновременно *принуждение, иерархия и зависимость*, — те черты, которые в ансамбле всегда составляют патерналистские институты. Взаимоотношения *pater familia* с членами своей семьи, ее клиентами, слугами и рабами в древнем Риме, как и взаимоотношения русского «помещика-барина» с крестьянами и дворовой челядью вплоть до официальной отмены крепостного права — с равной степенью обоснованности можно называть патерналистскими. О первых Т. Моммзен сообщает: «...в правовом отношении семей, безусловно, руководила и управляла всемогущая воля отца семейства. ...Отец семейства не только держал всех домашних в самом строгом повиновении, но также имел право и был обязан чинить над ними суд и расправу и по собственному усмотрению подвергать их телесным наказаниям и смертной казни» [35, с. 63]. О вторых сохраняются свидетельства современников: «В вотчинных взаимоотношениях помещика (князя Б.Н. Юсупова. — *Н.Ш.*) и его “ревизских душ” нет места никому третьему, и князь не любит “мещанского сословия” и отставных солдат, изгоняя их из номенклатуры названий и из пределов своих владений. Но эти взаимоотношения одеты в глазах князя патриархальной дымкой семейных отношений: он — “отец”, крестьяне — “его дети”, и все его вотчины — “одно семейство”. Подобно нравственности и религии, эта патриархальная идеология коренится, однако, в тех же соображениях доходности вотчинного хозяйства» [36, с. 39].

Патернализм может существовать в виде покровительства и материальной помощи состоятельных людей отдельным ученым и людям искусства. Н. Мандельштам, жена поэта, в «Воспоминаниях» пишет: «В 30 году... со мной разговорила жена Ежова: “К нам ходит Пильняк, — сказала она. — А к кому ходите вы?”. Я с негодованием передала этот разговор О.М. [Осипу Мандельштаму], но он успокоил меня: “Все ходят. Видно, иначе нельзя. И мы “ходим”. К Николаю Ивановичу [Бухарину]”. ...Всеми просветами в своей жизни О.М. обязан Бухарину» [37, с. 134]. Могущественные патроны не только оказывают материальную поддержку своим подопечным, но и участвуют (с использованием силового давления) в парадигмальных и методологических спорах между учеными. Так, по свидетельству Ф. Доубэна, в конце XVI — начале XVII века наблюдалось сильнейшее противостояние между «установившейся властью Колледжа [имеется ввиду Лондонский врачебный колледж, основанный в 1581 г. в Англии. — *Н.Ш.*], которую тот использовал для давления на ортодоксальную медицину Галена, и неформальной системой патронажа при дворах Елизаветы I и Якова I, поощрявших продвижение тех практиков, чье лечение основывалось на натуралистской философии Парацельса» [28, р. 2]. По-

ложение усугублялось тем, что многие члены Колледжа находились одновременно в «превосходных клиентских связях» с представителями королевских дворов Англии и Европы. Однако именно патронаж стал «тем проводником, благодаря которому неортодоксальные методы лечения изменили образ врачей и врачевания» [28, р. 19].

Патернализм скрывается и за покупкой голосов избирателей из маргинальных социальных групп на выборах в современной Греции. Цыгане, проживающие в сельской местности вокруг Софадес, являются «социально исключенной группой» — они в большинстве своем бедны, не имеют профессии, образования, определенного рода деятельности, постоянного места жительства, не принимают участия в общественной жизни города. Они охотно продают свои электоральные предпочтения политическим кандидатам, действующим через разветвленную сеть посредников. «Цена голоса устанавливается “за голову”, но на деле цыгане голосуют семьями, и сумма выплачивается целиком главному в семье» [38, р. 448].

Глубоко патерналистской считают многие исследователи советского общества сталинскую эпоху, имея в виду, в первую очередь, ее мифологическое обрамление. Сам Сталин — по ощущению И. Бродского — «такой папа с усами» [39, с. 37].

Согласно патерналистским принципам выстраивается взаимодействие руководителей новых фермерских хозяйств и их подчиненных в сегодняшней России. Вот заявление председателя преобразованного колхоза: «А я хочу, прежде всего, сам над всем здесь властвовать. Я в толковом словаре вычитал, что “холдинг” означает “господство”. Вот я и хочу господствовать, а кооперация единоличному господству кладет пределы» [40, с. 46]. При указанном отношении высшего менеджера к партнерам и подчиненным — «...это я тут буду помещиком, а вы будете мои холопы!» — аграрная реформа завершается, как показывает А.М. Никулин, образованием асьенды, «хозяйин которой оказывает патримониальное покровительство местной общности за признание его власти собственника и лидера местного сообщества» [40, с. 48].

Мы привели лишь некоторые, типичные в своем роде примеры. В них обнаруживаются основные черты, присущие патернализму: объединяющие метафоры «большой семьи», «рода», «клана», состояние зависимости в межличностных отношениях, четкое подчинение одних участников другим. Подчинение сторон обосновывается социальными, культурными, экономическими, иными словами, ресурсными различиями. Зависимость носит как должностной, так и личностный характер. Образ большой семьи позволяет расставить участников по местам; их положение в отношениях этого типа сходно с расстановкой членов семьи по родовой иерархии. Контекстом существования патернализма выступают формальные связи, объединяющие некоторым образом (иногда более чем опосредованно) два типа акторов. Патерналистские

структуры предполагают четкую дистанцию, имеющую тенденцию к увеличению, и нерушимую иерархию. Для первого типа акторов характерна демонстрация себя как «отца», «хозяина», «попечителя» относительно второго типа акторов.

Рассмотрим подробнее характеристики патернализма как субститута, применяя неинституциональный подход.

Патернализм в современном его виде существует в «распыленном» состоянии и может быть обнаружен в самых различных общественных сферах. Поскольку ему не обязательно создавать собственное поле для актуализации в поведенческих практиках, акторы способны обращаться к соответствующим патерналистским правилам в самых разных ситуациях. Патернализм может быть «политическим», «экономическим», «менеджерским», «образовательным» и т. д. в зависимости от того, в какой сфере социальной деятельности акторы его применяют. Вместе с тем невозможно указать на конкретную область человеческой деятельности, служащую источником и проводником патернализма. Речь не идет о том, что патерналистские правила — это биологические или социальные инстинкты, обязательно присущие индивидам и потому воспроизводимые ими в поведении; напротив, еще до того, как патернализм становится основанием для выполнения некой социальной роли, индивиду приходится не раз наблюдать его проявления (и испытывать их воздействие).

Патернализм не является единственной, доминирующей или даже предпочитаемой ролью актора. Это правила, поддающиеся функциональному и рациональному — в рамках данного социального поля — использованию индивидом. Партикулярный характер патернализма проявляется еще и в том, что человек может попеременно, в зависимости от проблемной ситуации и состава партнеров, использовать разные патерналистские правила.

Основанием для актуализации патернализма служат обстоятельства, при которых во взаимодействие включены индивиды, находящиеся на отдаленных ступенях иерархии, неважно, социальной, экономической, должностной или какой-либо иной. Патерналистские правила в этом случае позволяют установить коммуникацию, игнорируя официальные, легитимные или предписанные правила, опираясь лишь на требования сформированного проблемного поля.

Существует два поля, в которых патернализм в современном российском обществе играет значительную роль. Первое из них имеет личностный характер. Вернемся к типу филистера, описанному в начале статьи. Представим, что число людей, не способных к новым моделям поведения, возрастает из-за увеличивающейся неопределенности действующих в обществе ориентиров. Если средства массовой информации постоянно возвращают людей к настоящему или вымышленному прошлому (советскому, имперскому, московскому), то

тем самым они усиливают установки, требующие воспроизводить старые, апробированные методы. Результатом становится устройство любых сообществ и организаций по принципам «малого социализма» или, точнее, «социализма с человеческим лицом». Все контакты и взаимодействия — неважно, в официальных или неформальных структурах они происходят — облекаются в личную форму.

Второе поле — социальное, в котором перестраиваются социальные организации, или, в другом ракурсе, социальные институты. В настоящий момент в российском социуме наблюдается одновременное существование новых и «реликтовых», казалось бы, уже отживших институтов. Заметим, что новые институты по форме, а иногда и постулируемым принципам похожи на своих предшественников; некоторые из них являются прямыми наследниками старых институтов. Достаточно затянувшаяся процедура формирования институциональной структуры общества вызывает к жизни патернализм как один из механизмов выстраивания, конструирования институтов. Акторы стремятся формулировать правила устойчивого взаимодействия, в основном, с уже знакомыми индивидами. Прежние личные контакты сегодня становятся ядром создаваемого института, поэтому последние по своей организации часто напоминают кланы. Такие институты всегда включают правило «свой — чужой», основываясь на котором, индивиды приступают к обмену ресурсами и решению других задач. Предложенная схема описывает нижний, «клеточный» уровень социальных институтов, однако ее принципы имеют тенденцию к распространению на более высокие этажи.

Акторы, опирающиеся на патерналистские правила, используют в качестве ресурсов для обмена по преимуществу символические, а не материальные объекты. Иногда патерналистские обмены целиком перемещаются в область вербальных практик. Такова, например, ситуация в политическом пространстве. Патернализм предполагает функционирование особого вида доверительной социальной связи между властью имущими и зависимым от них населением. Доверие это возможно лишь в том случае, если все участники политического действия, вне зависимости от статуса, используют один и тот же язык, высказывают сходные суждения, руководствуются едиными представлениями о допустимом и осуждаемом. Залогом такого доверия является вербальная и символическая артикуляция политическими патронами бытовых нужд, фобий и ожиданий своей клиентелы, ратифицированная средствами массовой информации.

Подведем итог. Патернализм, будучи формой «сообщества в обществе», обладает достаточной автономностью от общесоциальных целей и ценностей. Он предлагает своим участникам альтернативные варианты общественного обустройства, заимствованные из более

ранних обществ. Вместе с тем патернализм успешно вписывается в сложные социальные структуры современных обществ. Способность к мимикрии является одним из свойств института патернализма. Он достаточно гибок, чтобы принимать допустимые в данном сообществе формы.

Патернализм — институт дополняющий, *субститут*, или, как обозначают его С.Н. Айзенштадт и Л. Ронигер, «институт-адденда» [41, р. 155]. Он успешно встраивается внутрь других, больших социальных институтов, представляясь участникам непрямым и органичным элементом этих структур. Такая иллюзия обеспечивается тем, что, следуя своим, «внесоциальным» целям, патернализм может заполнять лакуны, существующие в почти всех без исключения сферах социальной деятельности. Он достраивает систему социальных отношений в тех организованных областях человеческой деятельности, в которых не вызрели в достаточном виде собственные социальные регуляторы и стимулы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Thomas W.I., Znaniecki F.* The Polish peasant in Europe and America. 2nd edition. New York: Dover Publications, 1958.
2. *Гимпельсон В.* Политика российского менеджмента в сфере занятости // МЭиМО. 1994. № 6. С. 5–20.
3. Крупные промышленные предприятия: перестройка управления и трудовых отношений: монографические исследования 1992–1995 гг. // Социально-трудовые исследования: Вып. III / Под ред. В.И. Кабалиной. М.: ИМЭМО РАН, 1995.
4. *Шершенева Е.Л., Фельдхофф Ю.* Культура труда в процессе социально-экономических преобразований: опыт эмпирического исследования на промышленных предприятиях России. СПб.: Петрополис, 1999.
5. *Булавка Л.А.* Нонконформизм: социокультурный портрет рабочего протеста в современной России. М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. *Борисов В.А., Козина И.М.* Об изменении статуса рабочих на предприятии // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 16–29.
7. *Бочаров В.Ю.* Институционализация договорных трудовых отношений на предприятиях // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 63–68.
8. *Афанасьев М.Н.* Государев двор или гражданская служба? Российское чиновничество на распутье // Политические исследования. 1995. № 6. С. 67–80.
9. *Мануйлов В.* Губернаторские выборы в Пензе и становление гражданского общества // Региональные выборы и проблемы гражданского общества в Поволжье. 2002. № 3. С. 67–79.
10. *Bruszt L.* “Without us but for us?” Political orientation in Hungary in the period of late paternalism // Social Research. 1988. Vol. 55. No. 1–2 (Spring/Summer). P. 43–76.
11. *Domański B.* Social control over the Milltown: Industrial paternalism under socialism and capitalism // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1992. Vol. 83. № 5. P. 353–360.

12. *Graziano L.* Patron-client relationship in Southern Italy // *European Journal of Political Research*. 1973. № 1(1). P. 3-34.
13. *Темницкий А.Л.* Патернализм и партнерство в корпоративной культуре российской компании // *Российское предпринимательство: стратегия, власть менеджмента*. М., 2000. С. 70–101.
14. *Темницкий А.Л.* Ориентации рабочих на патерналистские и партнерские отношения с руководством // *Социологические исследования*. 2004. № 6. С. 26–37.
15. *Романов П.В.* Формальные организации и неформальные отношения: кейс-стади практик управления в современной России. Саратов: Саратовский гос. ун-т, 2000.
16. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
17. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда // *Западно-европейская социология XIX — начала XX веков / Издание Международного университета бизнеса и управления; Под ред. В.И. Добренькова*. М., 1996. С. 256–308.
18. *Бауман З.* Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996.
19. *Scheff T.J.* Academic gangs // *Crime, law, and social change*. 1995. Vol. 23. P. 156-168.
20. *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М.: Наука, 1988.
21. *Анисимов Е.* Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.
22. *Суворова Н.Г.* Патерналистская политика в государственной деревне Сибири в первой половине XIX века // *Материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития»*. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2002. С. 56–61.
23. *Пайнс Р.* Русская революция: Часть I. М.: РОССПЭН, 1994.
24. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001.
25. *Железкин В.Г.* Государственный социальный патернализм в уральской промышленности XIX века // *Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформация*. Екатеринбург: УрО РАН, УрГИ, 1998. С. 78–87.
26. *Лейбович О.Л.* Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь: ЗУУНЦ, 1993.
27. *Ермоленко Т.Ф.* Патернализм в России: опыт культурно-исторического анализа. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1999.
28. *Dawbarn F.* Patronage and power: The college of physicians and the Jacobean court // *British Journal for the History of Science*. 1998. № 31. P. 1-19.
29. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
30. *Райх В.* Психология масс и фашизм. СПб.: Университетская книга, 1997.
31. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. М.: МОНФ, 2000.

32. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка. М.: Весь мир, 1995.
33. *Бергер П.* Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс, 1996.
34. *Флигстин Н.* Поля, власть и социальные навыки: критический анализ новых институциональных течений // *Экономическая социология*. 2001. Т. 2. № 4. С. 28–55.
35. *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1: До Битвы при Пидне. М.: Наука, Ювента, 1999.
36. *Кашин В.Н.* Консервативный современник декабристов (князь Б.Н. Юсупов). Окончание // «Былое»: неизданные номера журнала: Кн. 1 / Сост. Ф.М. Лурье. Л.: Лениздат, 1991. С. 17–41.
37. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М.: Согласие, 1999.
38. *Marantzidis N., Mavrommatis G.* Political clientelism and social exclusion. The case of Gypsies in the Greek town of Sofades // *International Sociology*. 1999. Vol. 14 (4). P. 443-456.
39. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Эксмо, 2002.
40. *Никулин А.М.* Кубанский колхоз — в холдинг или асьенду? // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 41–50.
41. *Eisenstadt S. N., Roniger L.* Patrons, clients and friends: Interpersonal relations and the structure of trust in society. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.